

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

FORENSIC PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Научная статья
УДК 159.9.07

Ресурсные функции вины, совести и стыда в процессе трансформаций субъектности постпенитенциарной личности

Евгения Геннадьевна Зуева, кандидат психологических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
zueva.eg@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6919-0306>

Аннотация:

Введение. Статья посвящена рассмотрению ресурсной функции вины, совести, стыда, в процессе трансформаций субъектности постпенитенциарной личности. Актуальность проблемы исследования определяются необходимостью реализации Федерального закона «О пробации в Российской Федерации».

Цель исследования. Обоснование психологических ресурсов вины, совести и стыда в процессе трансформаций субъектности постпенитенциарной личности. Рассматриваются теоретические концепции вины, стыда и совести, позволяющие определить соотношение данных феноменов.

Методы. В исследовании применялись общенаучные методы исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, анализ нормативных правовых актов и литературных источников, непосредственно связанных с исследованием проблемы трансформаций субъектности постпенитенциарной личности.

Результаты. Общим атрибутом вины, стыда и совести является понятие ответственности, которая предполагает свободу поступков. Анализируются функциональные различия вины, стыда и совести и их взаимосвязи с правонарушениями. Отмечается, что степень ресурса феноменов вины, стыда и совести зависит от типа ситуации, реальной или воображаемой, в момент совершения проступка. Вина, совесть и стыд выступают как механизмы социального контроля постпенитенциарного субъекта. Их единство предполагает когнитивный, эмоциональный контроль, а также мотивы, установки. Вина представляет собой эмоцию более высокую по объему, содержанию, уровню, интенсивности переживания, совесть и стыд представлены структурными компонентами вины. Вина продуцирует феномены совести и стыда, является глубинным образованием. Совесть представляет собой социально-культурное образование, а стыд – личностное образование. В заключении делается вывод, что в совокупности вина, совесть и стыд обеспечивают высокий уровень адаптивности, целостности личности и развития «экзистенциального» опыта субъекта, в целом образуя его ресурсный потенциал.

Ключевые слова:

вина, совесть, стыд, функции, ресурс, трансформация субъектности, постпенитенциарная личность

For citation:

Зуева Е. Г. Ресурсные функции вины, совести и стыда в процессе трансформаций субъектности постпенитенциарной личности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 294–302.

Статья поступила в редакцию 22.04.2025;
одобрена после рецензирования 18.10.2025;
принята к публикации 25.12.2025.

Original article

The resource potential of guilt, conscience, and shame in the transformation of subjectivity among individuals with a history of incarceration

Evgeniya G. Zueva, Cand. Sci. (Psy.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
zueva.eg@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6919-0306>

Abstract:

Introduction. This article examines the resource functions of guilt, conscience, and shame in the process of subjectivity transformation among individuals with a history of incarceration. The relevance of this research is underscored by the practical need to implement the Federal Law "On Probation in the Russian Federation", which necessitates a deeper psychological understanding of rehabilitation processes.

Research Aim. To substantiate the psychological resources of guilt, conscience, and shame in the process of subjectivity transformation among individuals with a history of incarceration. The study examines theoretical concepts of guilt, shame, and conscience to delineate the relationship between these phenomena.

Methods. The study employed general scientific methods of data collection, analysis, and synthesis, alongside an analysis of normative legal documents and literature relevant to the transformation of subjectivity among individuals after incarceration.

Results. The analysis reveals that responsibility – which entails freedom of action – constitutes a common attribute of guilt, shame, and conscience. The study delineates the functional distinctions between these phenomena and examines their connection to offending behaviour. A key finding is that the resource potential of guilt, shame, and conscience varies depending on whether the situation surrounding the misconduct is real or imagined. Ultimately, these phenomena function as mechanisms of social control for individuals after incarceration. Their inherent unity encompasses cognitive and emotional regulation, along with underlying motives and attitudes. Guilt is characterised as a higher-order emotion in terms of its scope, content, level, and experiential intensity, with conscience and shame constituting its structural components. Guilt generates the phenomena of conscience and shame, representing a more profound psychological construct. Conscience is conceptualised as a socio-cultural construct, whereas shame is viewed as a personal one. The conclusion posits that, collectively, guilt, conscience, and shame foster a high degree of adaptability, personal coherence, and the cultivation of an 'existential' experience for the individual, thereby constituting their overarching resource potential.

Keywords:

guilt, conscience, shame, functions, resource potential, subjectivity transformation, individuals after incarceration

For citation:

Zueva E. G. The resource potential of guilt, conscience, and shame in the transformation of subjectivity among individuals with a history of incarceration // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 294–302.

The article was submitted April 22, 2025;
approved after reviewing October 18, 2025;
accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Актуальность постановки проблемы ресурсности функций вины, стыда и совести в процессе трансформаций субъектности постпенитенциарной личности в настоящее время определяется необходимостью реализации Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»¹. Стыд, вина и совесть – моральные эмоции – занимают особое место в системе регулирования поведения лиц, в отношении которых применяется пробация и реабилитация. Морально-нравственный потенциал личности, ее способность испытывать стыд, вину и совесть может выступать онтогенетическим механизмом торможения и преодоления социально нежелательного поведения и одновременно стимулировать трансформацию просоциального поведения постпенитенциарной личности.

Вместе с тем среди ученых и практиков нет единодушной поддержки тех, кто предлагает обратиться к потенциалу морально-нравственных и духовных интенций с целью реинтеграции бывших осужденных в общество. Сомнения скептиков подкрепляются соответствующими исследованиями, в которых находит подтверждение идея о том, что склонность испытывать стыд часто связывается не с прекрасными, порядочными моральными качествами и поведением

¹ О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 6. Ст. 917.

субъекта, а скорее с уклонением от ответственности, обвинением жертвы, неправильным управлением гневом и в крайнем случае враждебной агрессией [1].

Целью данного исследования является обоснование психологических ресурсов вины, стыда и совести в процессе трансформаций субъектности постпенитенциарной личности. Для достижения цели предполагается подробно рассмотреть феномены вины, стыда и совести, их структуру и функции, предпринять попытку их концептуальной операционализации. Начнем с анализа соотношения феноменов вины, совести и стыда.

Методы

В исследовании применялись общенаучные методы исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, анализ нормативных правовых актов и литературных источников, непосредственно связанных с исследованием проблемы трансформаций субъектности постпенитенциарной личности.

Результаты

Вина, стыд и совесть являются предметом изучения ряда областей знаний, таких как философия, психология, религиоведение, культурология [2]. В психологических исследованиях стыд и вина часто обсуждаются совместно при анализе соотношений и различий вины, стыда и совести. Феномен вины как одного из механизмов культурно-нравственной регуляции поведения человека, включающего в себя стыд, совесть, способность к раскаянию и покаянию, выходит далеко за границы предмета юридической психологии [3].

Согласно идеям С. Л. Рубинштейна, трансформация необходимых качеств личности происходит посредством соотношения внешних условий и внутренних факторов. Безусловно, активность различных социальных систем, институтов на макро- и микроуровне путем проведения всесторонних профилактических и психокоррекционных мероприятий будет влиять на изменения психики постпенитенциарной личности. Успешная реализация мероприятий субъектами может способствовать повышению ее социально-ориентированной мотивации, актуализации позитивных установок и стремлению к самоизменениям. Однако с точки зрения трансформации нас в большей степени интересуют внутриличностные факторы, направленные на формирование нравственных ценностей, внутренней культуры личности, самостоятельной способности к изменениям, потому что именно сам субъект должен принять ответственность за изменения на себя. В связи с этим внутренним источником позитивного самоизменения, радикальной трансформации выступает феномен вины как одного из центральных проявлений сложного культурно-нравственного комплекса современного человека [3]. Вина через личную ответственность конструирует конечную цель, которая направляет процесс созидания, помогая превращать возможность в действительность [4]. Можно сделать вывод, что переживание вины побуждает человека к ответственности за свое будущее и, следовательно, к действию.

Е. П. Ильин, подробно изучая феномен совести и ее соотношение с другими категориями, отмечал, что вина является эмоцией, с помощью которой проявляется совесть. По его мнению, вина – не что иное, как эмоциональное обострение совести [5]. Однако, как представляется, такая узкая трактовка не учитывает всех потенциальных ресурсов вины.

Клиническая теория, клинические наблюдения, качественные и количественные эмпирические исследования показывают, что когда люди чувствуют вину за определенное поведение, у них появляется мотивация признаваться, извиняться и исправлять ошибки, они более сочувствуют жертвам своих проступков, они с большей вероятностью примут меры ответственности и будут стараться исправить ситуацию [6]. Оценивая конкретные «плохие», «аморальные» поступки, переживая факт включенности в систему нравственных ценностей общества, люди сохраняют чувство личной идентичности и психологической целостности.

Стыд – эмоция, выражающая осознание человеком своего (а также близких и причастных к нему людей) несоответствия принятым в данной среде нормам или предполагаемым ожиданиям.

Рядом авторов стыд рассматривается как синоним вины (Hartmann, Loewenstein, 1962; Piers, Singer, 1953; Sandler et al., 1963; Jacobson, 1964) [7–10]. С этим трудно согласиться, т. к. между стыдом и виной имеются существенные различия. Так, Е. П. Ильин отмечает, что стыд, как и совесть, базируется на сформированных моральных обязательствах, самооценке и самоконтроле личностью своих помыслов и поступков через призму нравственных требований. Известно, что совесть может вызывать удовлетворение собственным нравственным поведением и помыслами

(чистая совесть), тогда как в стыде всегда осуществляется негативная оценка собственных действий и помыслов, но это не может являться основанием для их противопоставления.

В настоящее время понятия вины и стыда в психологической литературе гораздо чаще становятся предметом изучения, чем понятие совести. Так, проводились исследования взаимосвязи между чувством вины, стыда и правонарушениями без учета концепции совести [11].

Е. П. Ильин отмечает, что совесть в психологии – это нравственное качество личности, связанное с субъективным осознанием личностью своего долга и ответственности как перед отдельными людьми, так и перед обществом [5].

М. И. Воловикова на основе исследований правового сознания у россиян пришла к выводу о глубокой взаимосвязи феномена стыда с совестью [12]. Главная функция совести – осуществление самоконтроля.

Проведенный теоретический анализ позволяет утверждать, что вина имеет сложную структуру и соотносится с эмоциями совести и стыда. При этом совесть выступает социализированной формой вины, а стыд отвечает за ее динамическое проявление.

Переживание вины, совести и стыда зависит от культуры, в которую включен субъект, именно культура является универсальным средством оценки поведения личности. По лекалам культурного контекста и необходимо выстраивать пространство психокоррекционных мероприятий для постепенного субъекта. При этом в зависимости от типа культуры и включенности в нее субъекта будет зависеть уровень проявления моральных эмоций. Например, в культурных и антропологических исследованиях обсуждалось, следует ли понимать стыд как культурный феномен, т. е. как следствие исторического, культурного развития (Н. Элиас, 1978) [13], или как универсальный и повсеместный феномен, имеющий отношение, например, к сексуальности [14]. Исследования в области этнопсихологии открывают новое видение функций чувств вины и стыда, а также их роли и места в современном обществе (И. К. Макогон, С. Н. Ениколопов, 2015) [15].

Как пример можно привести кросс-культурные исследования в отношении эмоции стыда [2]. Как оказалось, западные, индивидуалистические типы культур негативно относятся к стыду, тогда как восточные, коллективистские общества ценят эту эмоцию и эффективно используют методы стыда для мотивации просоциального поведения. Приходится признать наличие различий в культуре стыда, особенностях форм реакций, которые стыд с большей вероятностью вызывает. Однако стоит отметить, что стыд мотивирует просоциальное поведение и у представителей западных типов культуры, что было обнаружено в упомянутых выше исследованиях. Наше понимание соотношения феноменов вины, совести и стыда представлено на рисунке 1.

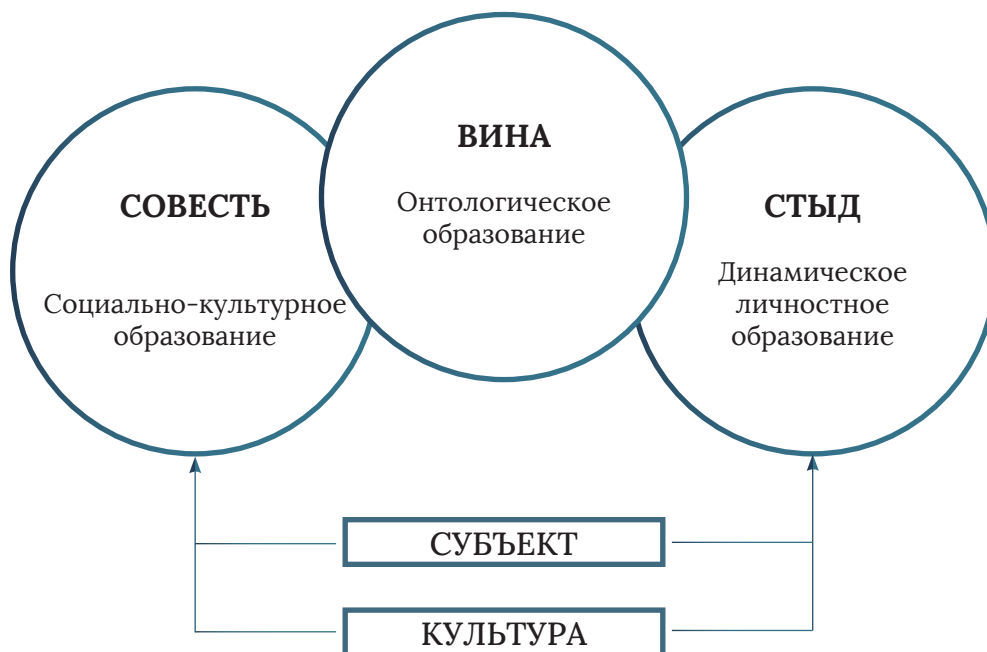

Рис. 1. Соотношение вины, совести и стыда

Fig. 1. The relationship between guilt, conscience and shame

Как видно на рисунке, вина представляет собой эмоцию более высокую по интенсивности переживания, совесть и стыд представлены структурными компонентами вины. Вина продуцирует феномены совести и стыда, является глубинным образованием. Совесть представляет собой социально-культурное образование, а стыд – динамическое личностное образование. Культура лежит в основе формирования субъектных качеств и границ личности, которые в свою очередь влияют на характер интенсивности и глубину переживания вины, совести и стыда.

Зарубежные авторы выделяют общие черты у стыда и вины. Отмечается, что это эмоции самосознания, которые подразумевают самоанализ и самооценку², сопряженные с негативной самооценкой и чувством дистресса, вызванные воспринимаемыми неудачами или проступками (например, Tangney, Stuewig, Mashek, 2007) [6], находятся в тесной взаимосвязи друг с другом и сосуществуют вместе.

Одна из постоянных тем, обсуждающихся в исследованиях, заключается в том, что стыд и вина не являются одинаково «моральными» эмоциями. При этом вина считается более адаптивной эмоцией, приносящей пользу отдельным людям и их отношениям различными способами [15–17].

Большинство социальных и клинических психологов называют «моральную» эмоцию, ориентированную на поведение, «виной», а эгоцентричную «моральную» эмоцию – «стыдом» [1, p. 711]. Реинтегративная теория стыда (RST) Брейтуэйта (1989) различает два типа практики стыда [17]. Первый, получивший название «восстанавливающий стыд», касается практик, которые идентифицируют преступление или поведение как безответственное, неправильное или плохое, а не самого человека. Согласно реинтегративной теории, стыд тоже связан с ответственностью, т. к. акцент ставится на поведении, а не на личности, и предполагает исправление ситуации. Данный тип стыда более соответствует функциям и динамике вины, рассматриваемой в психологической литературе. Второй тип практики стыда называется «дезинтегративным стыдом» или стигматизацией, что предполагает изоляцию и унижение субъекта в попытке вызвать чувства, более близкие нашему понятию стыда [17].

Можно отметить, что общим атрибутом вины, стыда и совести является понятие ответственности. При этом следует заметить, что ответственность предполагает свободу выбора поступков. Находясь в местах лишения свободы, осужденный действует по правилам, принятым в пенитенциарном учреждении. После же освобождения у него возникает необходимость брать на себя ответственность за свои поступки.

Возникают следующие вопросы: как структура вины, совести и стыда помогает трансформировать субъекта? Какие ситуации могут стимулировать изменения субъекта?

Для более ясного понимания динамики изменений личности постпенитенциарного субъекта следует подробно рассмотреть функциональные различия вины, совести и стыда и их связь с правонарушениями.

Функциональные различия вины, совести, стыда

Определить содержание и возможности вины можно, рассмотрев ее функции.

Вина стимулирует мотивацию восстановления справедливости и появление чувства личной ответственности, формирует потребность в соблюдении общественных норм [18; 19].

Анализируя литературу, можно выделить три основные функции, которые выполняет вина: 1) выступает в качестве морального регулятора для поддержания норм просоциального поведения; 2) участвует в формировании самоотношения и 3) способствует профилактике психических расстройств [5].

Однако успешное осуществление этих функций возможно только в том случае, если уровень переживания вины будет у человека не слишком большим, но и не слишком малым, т. е. оптимальным³.

Вина генерирует механизм эмпатии, направленный на исправление и регулирование поведения, и побуждает внутреннее волнение⁴ (Barret, 1998) [11]. Исследования убедительно показывают отрицательную связь между чувством вины и преступлением: чувство вины подавляет желание совершить правонарушение (Tangney et al., 2011) [1].

² Tangney J. P., Tracy J. L. Self-conscious emotions // Leary M., Tangney J. P. (eds.). Handbook of self and identity. New York, NY, USA : Guilford Press, 2012. P. 446–478.

³ Белик И. А. Чувство вины в связи с особенностями развития личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2006. 21 с.

⁴ Barret K. C. The origins of guilt in early childhood // Bybee J. (ed.). Guilt and children. London, England : Academic Press, 1998. P. 75–90. <https://doi.org/10.1016/B978-012148610-5/50004-7>

Стыд определяется в социологии как «механизм социального контроля», осуществляющийся в тех контекстах, которые предполагают возможность непосредственного взаимного наблюдения [5].

К. Изард раскрывает функции стыда, отмечая, что средоточие эмоции стыда находится в Я [20]. Стыд активизирует самооценку. Осознание, сопутствующее переживанию стыда, способствует усилению Я, уменьшению уязвимости личности. Сенситивность проявляется в отношении мнений и чувств значимых людей, а также к своему физическому Я. Стыд крайне враждебен по отношению к рациональным, интеллектуальным процессам.

Льюис (Lewis, 1971) отметила, что по сравнению с эмоцией вины эмоция стыда – менее дифференцированная, более иррациональная, более примитивная, труднее вербализуемая реакция, содержание которой почти не поддается осмыслению. Стыд порождает критицизм в отношении собственного Я и кратковременное ощущение несостоятельности. Преодоление переживания стыда способствует развитию личностной автономии и идентичности, способности к зрелым чувствам [21].

Результаты исследований связи между стыдом, агрессией и правонарушениями неоднозначны из-за широкого спектра поведенческих моделей, определяющих правонарушения (например, мелкие преступления, кражи или насильственные преступления) или агрессию (например, использование нецензурной брани) (Stuewig, Tangney, 2007) [22].

Рассмотрим ресурсные функции совести, способствующие самоизменению постпентенциарного субъекта. Совесть имеет две основные функции: предупреждающую и ретроспективную [5].

Кроме того, совесть проявляет себя как побуждающий, запрещающий, корректирующий и оценивающий фактор, что имеет большое значение в реабилитационном процессе осужденных.

Совесть непрерывно оценивает этический характер наших мыслей, указывает на возникающие дурные помыслы или на попытки самооправдания.

Выполнение совестью ее функций не есть простой автоматический акт. Это всегда сложный динамический процесс, в котором сама совесть зависит от общих нравственных установок личности, от степени приближения личности к нравственному идеалу [5].

Исследователи предполагают, что совесть является психической функцией для оценки своей идентичности: как то, что я делаю, думаю, относится к моему «Я» [6]? Активность совести субъективно переживается через осознание сознательных эмоций, таких как стыд, гордость, вина или смущение (также называемых моральными эмоциями [6]). Их необходимо регулировать, поскольку они касаются «Я» или идентичности [11].

Повседневное функционирование совести меняется: в некоторых ситуациях субъект может быть категоричным в своих самооценках, тогда как в других обстоятельствах может оценивать себя нейтрально или даже положительно (Hoffman, 2002) [23], что свидетельствует о ее динамическом характере. Некоторые люди действительно лишены какого-либо самосознания, что является признаком патологии (Shaw, 2014) [24], тогда как другие чрезмерно склонны испытывать вину или стыд, страдая от деспотии своей совести (Lansky, 2005) [25]. Таким образом, в исследованиях, посвященных взаимосвязи вины, стыда, совести и совершаемых правонарушений, основное внимание уделяется стыду и вине.

Исследования, как правило, сосредоточены на стыде и чувстве вины в реакции на собственные проступки. Интересным является рассмотрение «коллективных» эмоций самосознания.

«Коллективный» стыд и вина: групповые эмоции самосознания

В последние годы ряд исследователей существенно расширил объем литературы по эмоциям самосознания, рассматривая «заместительный» или «групповой» стыд и вину – чувства, возникающие в ответ на проступки и неудачи других людей [6, р. 358]. Эти исследования представляют собой интеграцию теории эмоций самосознания с социальной идентичностью, групповыми и межгрупповыми процессами. Поскольку личность частично определяется нашими межличностными отношениями и членством в группе, можно истолковать поведение члена группы как размышление о себе. Таким образом, личная причинность не всегда является предпосылкой для переживания стыда или вины. Во многом явления опосредованного стыда и вины параллельны личному стыду и переживанию вины.

Б. Ликель и другие (Lickel, Schmader, Barquissau, 2004) разработали модель процесса, связывающую конкретные типы оценок с опосредованным опытом стыда и вины соответственно [26]. Они представили доказательства того, что групповой стыд чаще всего возникает, когда что-либо угрожает общей идентичности, т. е. когда возникают опасения по поводу сохранения

позитивной групповой идентичности. С другой стороны, викарная вина более вероятна, когда межличностная зависимость с преступником заметна и когда опасения, основанные на отношениях, подчеркиваются акцентом на причинении вреда другой группе или отдельному человеку.

С. В. Павлов полагает, что субъектность может быть синонимом свободы⁵. Мы согласны с этим утверждением, поскольку обретение субъектности – это и есть способность думать, чувствовать, принимать решения и нести за них ответственность. В связи с этим, когда речь идет о трансформации постпенитенциарного субъекта, мы подразумеваем становление и развитие его новых форм отношений и формирование новых способов утверждения личностной свободы. Трансформация свободы и субъектности раскрывает проблему и способы деятельности человека во имя обретения свободы. Таким образом, обретая свободу, постпенитенциарный субъект получает возможность к самоизменениям путем трансформации вины, стыда и совести, которые выступают как механизмы социального контроля постпенитенциарного субъекта. Их единство предполагает когнитивный, эмоциональный контроль, а также мотивы, установки.

Обретение свободы тесно связано с приобретением субъектом «экзистенциального» опыта. Категория «экзистенциальный опыт» рассматривается как философами, так и психологами. При этом если философия рассматривает экзистенциальный опыт с точки зрения культуры, развития человечества, то в рамках психологии важно операционализировать данное понятие. В. В. Знаков в структурном плане рассматривает экзистенциальный опыт как совокупность компонентов: «имплицитного знания», рассматривающего невозможность вербализации имеющихся знаний, интенциональный компонент, определяющий направленность и избирательность индивидуальной психической активности, и этический компонент, помогающий субъекту ориентироваться в житейских ситуациях и адекватно воспринимать их [27*]. Таким образом, приобретение экзистенциального опыта постпенитенциарным субъектом способствует активному его становлению, осмыслению переживаний вины, стыда и совести, ориентации и направленности к самопреобразованию. С психологической точки зрения экзистенциальный опыт определяется переживаниями личностью своей судьбы, готовностью связывать свою дальнейшую жизнь со свободой и освобождением от груза переживаний вины.

Сегодня психологам необходимо обратить внимание на разработку теории технологий работы с человеком, созидающим самого себя [28], что предполагает переход к переосмыслению категории «субъект» в контексте постпенитенциарного сюжета жизни личности: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала – к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. Ю. А. Шаранов пишет, что человек конструирующий, т. е. заботящийся о себе, живет в неопределенном, изменяющемся мире, в котором невозможно быстро и однозначно самоопределиться. Вместе с тем направленность на самопреобразование выступает своеобразным вызовом не только окружающей действительности, но зачастую и самому себе [29].

Ж. Р. Tangney и др. отмечают, что моральные эмоции – это факторы «здесь и сейчас», которые теоретически поддаются вмешательству [30, р. 715]. Так же, как тревога и депрессия эффективно лечатся рядом социально-когнитивных, когнитивно-поведенческих и межличностных терапий, должна быть возможность использования этих подходов для изменения морально-эмоциональных характеристик правонарушителей – в частности, для повышения их способности к адаптивному чувству вины и снижения их склонности испытывать стыд [30]. В нашей концепции важно сохранение гармоничного единства переживания вины, совести и стыда как составляющей идентичности, целостности личности.

Говорить о субъектности и свободе постпенитенциарной личности можно в той мере, в которой она способна к социальному выбору, самостоятельности и осуществлению самопреобразующей деятельности. Таким образом, субъект представляет ресурсный потенциал постпенитенциарной личности, а субъектность выступает атрибутом свободы личности, демонстрируя ее социально значимые качества: чувства долга и ответственности за свое настоящее и будущее. При этом переживание вины, совести и стыда демонстрирует обращенность личности к высшим духовно-нравственным ценностям и идеалам общества, одновременно выступая внутренним морально-психологическим смыслом ее «жизни по совести».

Реинтеграция и реадаптация постпенитенциарной личности осуществляются в контексте определенного типа культуры вины, совести и стыда, которые различаются динамикой, частотой

⁵ Павлов С. В. Трансформация свободы и субъектности в современном обществе : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Волгоград, 2008. 24 с.

* Настоящий материал (информацию) произвел иностранный агент Синеокая Юлия Вадимовна, либо материал (информация) касается деятельности данного иностранного агента.

проявления, относительной «выпуклостью» стыда и вины, зависящей от особенностей той или иной культуры – т. е. людьми в разных культурах чувствам вины, совести и стыда придается разное значение, они по-разному чувствительны к проявлениям стыда и вины. По этой причине в обществе отсутствует единый целостный механизм, который бы регулировал поведение своих членов каким-либо одним (хотя бы и преимущественно) регулятором поведения. Среди специалистов также наблюдается многообразие подходов к пониманию социальных механизмов и психологических факторов, на которые следовало бы опираться в процессе реализации Закона о пробации⁶. Мы пришли к выводу, что необходимо обратить внимание на универсальные функции чувства вины (совести и стыда), которые способны одновременно следовать логике переживания вины (стыда и совести) каждой уникальной личностью, и снимать эффект многообразия и уникальности ситуаций, судеб и смыслов жизни людей, потерпевших в результате конфликта с законом.

Полагаем, динамика совершения поступка проявляется в том, что в начале формируется вина, которая определяется в способности отличать добро и зло. Затем формируется совесть как факт включенности человека в морально-нравственные отношения, связанные с формированием культурной идентичности субъекта. И уже затем формируется стыд, который является динамическим образованием, т. к. обеспечивает контроль и регуляцию поведения, взаимодействие с другими людьми и обращение к эмоционально-волевой сфере.

Совесть и стыд обладают различными модусами и динамикой, тогда как вина является стабильным образованием, поскольку обращена к духовно-нравственным формам проявления активности человека, что предполагает переживания совокупностей интенционального опыта, добра и зла, самоопределения самого себя в качестве порождающей инстанции, заботы и помощи другим людям. При изменении отношений субъекта к добру и злу происходят изменения в переживаниях совести и стыда, что впоследствии влияет на характер переживания протекающего процесса вины.

Таким образом, онтологические функции вины заключаются в обеспечении чувства личной идентичности и психологической целостности, которые обеспечивают факт включенности личности в социокультурную среду. При этом погруженность постпенитенциарной личности в систему социальных отношений вызывает экстремальные чувства переживания свободы и несвободы, требующие адекватных поведенческих актов в ситуации выбора. Поступок личности, как правило, выступает результатом переживания ее социальности, ответственности перед Я в прошлом, Я настоящим и Я-Другим в будущем. Процесс переживания вины в фундаменте потенциал личности, путем активизации структурных образований ее культуры, переводя личность в сензитивное состояние к интенциям совести и стыда. Тем самым динамика механизмов адаптации делает личность самодостаточной и конгруэнтной в ситуации неопределенности и вызовов окружающей реальности. Стыд предполагает ситуативный контроль с целью поддержания необходимого поведения. Как правило, он может возникать при переживании неконгруэнтности норм и ценностей культуре, принятой в обществе. Тем самым, в органическом единстве вина, совесть и стыд, действуя комплексно, представляют собой ресурсный потенциал функционирования постпенитенциарной личности.

Выводы

Переживание постпенитенциарным субъектом чувства вины, совести и стыда зависит от его культуры, которая является универсальным средством оценки поведения личности. Именно от этого в зависимости от типа культуры и включенности в нее субъекта будет зависеть уровень проявления моральных эмоций. Вина осуществляет проекцию на совесть и стыд и осознание того, что во всех ситуациях быть правым невозможно.

Вина, совесть и стыд образуют целостность постпенитенциарного субъекта, обеспечивая его способность к динамической адаптации и нравственно-созидательной деятельности и образуя континуальное (процессуальное) единство человека во времени и пространстве. Однако следует учитывать, что динамика переживания, скорость протекания вины, совести и стыда различны.

Степень ресурса феноменов вины, совести и стыда зависит от типа ситуации, реальной или воображаемой, в момент совершения проступка. Вина, стыд и совесть выступают как механизмы социального контроля постпенитенциарного субъекта. Их единство предполагает когнитивный, эмоциональный контроль, а также мотивы, установки. Вина – базовая онтологическая функция. Социализированная форма вины – совесть, которая является социально-

⁶ СЗ РФ. 2023. № 6. Ст. 917.

нагруженной формой поведения субъекта. Стыд – эмоциональная и динамическая форма поведения культуры человека.

Переживание вины, совести и стыда дает возможность трансформации субъекта, формированию таких его качеств, как ответственность, честь, порядочность, долг. В совокупности вина, стыд и совесть обеспечивают высокий уровень адаптивности, целостности личности и развития «экзистенциального» опыта постепененциарного субъекта, в целом образуя его ресурсный потенциал.

Список источников

1. Tangney J. P., Stuewig J., Mashek D., Hastings M. Assessing Jail Inmates' Proneness to Shame and Guilt: Feeling Bad About the Behavior or the Self? // *Criminal Justice and Behavior*. 2011. Vol. 38. No. 7. P. 710–734. <https://doi.org/10.1177/0093854811405762>
2. Karlsson G., Sjöberg L. G. The Experiences of Guilt and Shame: A Phenomenological–Psychological Study // *Human Studies*. 2009. Vol. 32. No. 3. P. 335–355. <https://doi.org/10.1007/s10746-009-9123-3>
3. Шаранов Ю. А., Зуева Е. Г. Психолого-юридическая динамика структуры и функций вины в процессе решения постепененциарной проблемы российского общества // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2024. Т. 29, № 1 (96). С. 6–11. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-6-11>
4. Гришина Е. С. Из истории понимания сущности вины // *Научное обозрение. Педагогические науки*. 2023. № 1. С. 10–14; <https://doi.org/10.17513/srps.2463>
5. Ильин Е. П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. Санкт-Петербург : Питер, 2016. 288 с.
6. Tangney J. P., Stuewig J., Mashek D. J. Moral Emotions and Moral Behavior // *Annual Review of Psychology*. 2007. Vol. 58. No. 1. P. 345–372. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.56.091103.070145>
7. Hartmann H., Loewenstein R. Notes on the superego // *Psychoanal Study Child*. 1962. No. 17. P. 42–81.
8. Piers G., Singer M. B. Shame and Guilt : A Psychoanalytic and a Cultural Study. USA, Illinois, Springfield : Ch. C Thomas, 1953. 87 p.
9. Sandler J. [et al]. The Ego Ideal and the Ideal Self // *Psychoanal Study Child*. 1963. No. 18. P. 139–158.
10. Джекобсон Н. Алгебры Ли / пер. с англ. А. Б. Жижченко ; под ред. А. И. Кострикина. Москва : Мир, 1964. 355 с.
11. Schalkwijk F. [et al.]. The Conscience as a Regulatory Function: Empathy, Shame, Pride, Guilt, and Moral Orientation in Delinquent Adolescents // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2016. Vol. 60. No. 6. P. 675–693. <https://doi.org/10.1177/0306624X14561830>
12. Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. Москва : Институт психологии РАН, 2003. 300 с.
13. Elias N. The civilizing process / transl. by E. Jephcott. New York : Urizen Books, 1978. 187 p.
14. Makogon I. K., Enikolopov S. N. Problems with the assessment of shame and guilt // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2013. Vol. 6. No. 4. P. 168–175. <https://doi.org/10.11621/pir.2013.0415>
15. Макогон И. К., Ениколопов С. Н. Апробация методики измерения чувств вины и стыда (Test of self-conscious Affect-3 - TOSCA-3) Tangney J. P., Dearing R. L., Wagner P. E., Gramzow R. H. // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2015. Т. 8, № 1. С. 6–21.
16. Tangney J. P. Moral Affect: The Good, the Bad, and the Ugly // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. Vol. 61. No. 4. P. 598–607. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.61.4.598>
17. Braithwaite J. Crime, shame and reintegration. New York : Cambridge University Press, 1989. 226 p.
18. Modigliani A. Embarrassment, face work and eye contact : Testing a theory of embarrassment // *Journal Personality and Social Psychology*. 1971. Vol. 17. No. 1. P. 15–24. <https://doi.org/10.1037/h0030460>
19. Fischer B. The process of healing shame // *Alcohol*. 1987. Vol. 4. P. 25–38.
20. Изард К. Э. Психология эмоций / перев. с англ. Санкт-Петербург : Питер, 1999. 464 с.
21. Lewis H. B. Shame and guilt in neurosis. New York : International Universities Press. 1971. 525 p.
22. Stuewig J., Tangney J. P. Shame and guilt in antisocial and risky behaviors // *The Self-Conscious Emotions. Theory and Research*. 2007. P. 371–388.
23. Hoffman M. L. Empathy and moral development: implications for caring and justice. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2002. 344 p.
24. Shaw D. Traumatic Narcissism: Relational Systems of Subjugation. Hove, UK : Routledge, 2013. 192 p. <https://doi.org/10.4324/9781315883618>
25. Lansky M. R. Hidden shame // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 2005. Vol. 53. No. 3. P. 865–890.
26. Lickel B., Schmader T., Barquissau M. The Evocation of Moral Emotions in Intergroup Contexts : The Distinction Between Collective Guilt and Collective Shame // Branscombe N. R., Doosje B. (eds.). *Collective Guilt: International Perspectives*. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2004. P. 35–55. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139106931.005>
27. Знаков В. В., Касавина Н. А., Синеокая Ю. В.* Экзистенциальный опыт: таинство и проблема // *Философский журнал*. 2018. Т. 11, № 2. С. 123–137. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-2-123-137>
28. Знаков В. В. Самосозидание человека – новый этап развития психологии субъекта // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2019. Т. 9, вып. 2. С. 112–122. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.201>
29. Шаранов Ю. А. Самосознание субъекта: авторская рефлексия концептуальной модели / *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2020) : материалы международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 23 апреля 2020 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 569–572.*
30. Tangney J. P., Stuewig J. Shame, Guilt and Remorse: Implications for Offender Populations // *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*. 2011. Vol. 22. No. 5. P. 706–723. <https://doi.org/10.1080/14789949.2011.617541>

* Настоящий материал (информацию) произвел иностранный агент Синеокая Юлия Вадимовна, либо материал (информация) касается деятельности данного иностранного агента.